

АЛЕКСЕЙ АННЕНКО

ПОСОХ РЕРИХА

Издательство АСТ
Москва

ПОСОХ РЕРИХА

Личность Рериха возвышается над временем. Разными гранями открывается она, но никогда всеми сразу. Жизнь его — феномен полноценного раскрытия творческого потенциала человека, независимо от условий времени и места. Весь мир он видел окрестностями для своего деяния. И ощущал ответственность творца не перед людьми своего поколения, а перед высшими принципами, которые обозначал с большой буквы, как Любовь, Красота и Действие. Воплощение их в планетарном масштабе, служение Культуре — кредо Рериха.

Осуществление задуманного «руками и ногами человеческими» окутало жизнь великого подвижника легендами. Существует богатейшая рерихиана, где, в подавляющем большинстве, представление основано на «лекалах», которые построил сам Мастер и его ближайшие сотрудники.

Он сумел пройти над повседневностью мира «верхним путем», грань между реальными событиями и мифологией, образами, созданными воображением, неуловима. И сколько бы «серьезных бородастых экспедиций», о которых говорил Леонид Андреев в своей знаменитой статье «Держава Рериха», результаты таких экспедиций условны и одномерны. Всегда будут непримиримые сторонники крайностей в оценках. А явление Рериха — многомерно и неисчерпаемо.

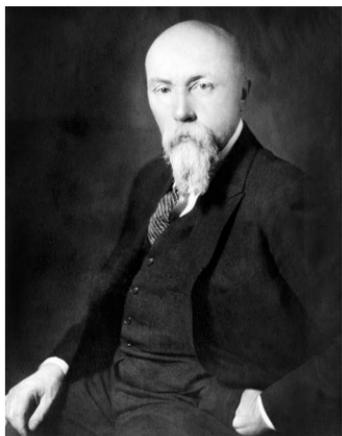
Как заметил Станислав Лем: «Прогресс человечества — заслуга гениев, особенно прогресс мысли; ведь сообщая можно набрести на способ обтесывания кремня, но нельзя коллективно выдумать ноль». Что же говорить о человеке, создавшем целую Державу образов и смыслов?

Первое представление о Рерихе я получил в школьные шестидесятые годы, когда занимался рисованием. Ярким осенним днем, на привокзальной площади, мне купили в киоске журнал «Художник». Случайно. Но на развороте была напечатана репродукция картины не Рериха, а Репина — «Заморские гости»! До сих пор помню ощущение какого-то праздника, яркого зрелища! Потом как-то, на книжной выставке в Томске, встретил и полистал альбом репродукций — необычность, непонятность картин отложились в памяти. Следующий эпизод

связан с археологической практикой после первого курса Новосибирского университета. В один из дождливых дней я забрел на половину дома, где жили наши руководители. На этажерке стоял небольшой портрет Рериха в рамке. Видя, что я проявил интерес к портрету, Петр Петрович Лабецкий, художник экспедиции, предложил мне почитать стихи, отпечатанные на фотобумаге. Это были стихи из сюиты «Мальчику» из книги Сергея Эрнста «Н. К. Рерих», изданной в 1918 году. В дореволюционном написании. Образы запали в душу.

Вернувшись после археологической практики в родной Абакан, зашел в книжный магазин. И там меня уже ждал большой альбом Рериха в белой папке. (Что значит — ждал? При тогдашнем книжном голоде альбом о не известном никому художнике просто никому не был нужен. Альбом Сурикова, Репина или Корина просто не дошел бы до прилавка...) Пояснения к картинам, цитаты из литературных произведений художника, напечатанные на обороте репродукций картин, стали для меня прорывом в понимании не только их красоты, но и мудрости. Полвека назад, в 1972 году, передо мной открылся громадный мир, притягательный, мудрый, необычный, красивый, и я обрел посох Рериха. Купив в абаканском книжном магазине зеленый «гознаковский» альбом репродукций художника, я еще, конечно, этого не знал. Но теперь-то, спустя десятилетия, я вижу, что шел (и иду) по жизни, опираясь и нащупывая свою собственную тропинку чудодейственным рериховским посохом.

Этот альбом сыграл в моей судьбе роль ключа, с помощью которого я отворил дверь в Державу Рериха. Вступив на открывшуюся

мне территорию, я будто омылся мертвой и живой водой. В Индии есть понятие — дваждырожденный. Оно относится к людям, которые из бессознательного существования переходят к сознательному бытию. Не буквально заново рождаются, а обретают понимание своего индивидуального пути. Этих путей много, но хорошо най-

Н. К. Рерих. 1920-е гг. Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

ти, как пел Владимир Высоцкий, «свою колею», свою тропинку, свою мелодию жизни.

Ведь что такое мелодия? Это всего лишь упорядоченный сложно структурированный звук, взятый из звукового хаоса. Но этот звук обретает гармонию и этим противостоит хаосу. Так рериховская мелодия в моей жизни уже многие годы служит камертоном для действий...

Тут разговор уже может идти на уровне чувств, а не разумных объяснений. Попробуй объяснить, как возникает чувство доверия, приязни к какому-то человеку. Любовь, в конце концов. Одновременно и вдруг. Так произошло. Книга П. Беликова и В. Князевой в «ЖЗЛ», вышедшая как раз в том же 1972 году, послужила очень хорошим, общим знакомством с человеком, который сам строил свою жизнь. А не жизнь строила его. И после знакомства с библиографией, приведенной там, у меня появилась потребность расширения и углубления этого знакомства. Очень хорошо это объясняет мудрая мысль: чем больше у человека растет шар знаний, тем больше у него точек соприкосновения с неизвестным.

Через Рериха я открыл себе веки российской и мировой истории, сокровенные эпизоды и пружины художественной жизни России начала XX века, глубины восточной философии, познакомился с деятельностью громадного круга имен, входивших в рериховскую орбиту. Вовлеченный в эту орбиту, сам я получил доступ к непрерывному высочайшему образованию. Нет такого слова (освоение, изучение, исследование — все не то), которое бы точно передало неотъемлемую грань моей жизни. Лучше всего сказала преданная сотрудница, директор Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке Зинаида Григорьевна Фосдик (у нас была с ней переписка): «Общение с Рерихом было равно посещению одновременно нескольких университетов...» Вот вольнослушателем этих «рериховских университетов» я и стал с двадцати лет, когда, как всякий думающий юноша, искал духовную опору. Многое, космических масштабов, связанное с исканиями русского художника, вдруг открылось мне в мировосприятии через картины, книги, документы.

И, конечно, в дальнейшем, через живое общение. С сыном Рериха — Святославом Николаевичем и его женой Девикой Рани, с Эльфридой Васильевной Паршиной, Ираидой Михайловной Богдановой, Павлом Дмитриевичем Муратовым, Зинаидой Николаевной Чунихиной, Николаем Васильевичем Граматчиковым, Людмилой

Васильевной Шапошниковой, Наталией Дмитриевной Спириной, Леопольдом Романовичем Цесюлевичем и многими-многими рерихолюбями — ценителями рериховского посоха.

Неоценимую помощь оказал Павел Федорович Беликов, хранитель крупнейшего в СССР рериховского архива, из которого (как из гоголевской «Шинели») выросло современное рериховедение. Он подарил мне дружбу и сотрудничество старшего товарища. И писал, например, в одном из писем: «Если даже вне сферы духовности в человеке пробуждается доброта, ответственность, благожелательность и творчество, на первых шагах хотя бы в усовершенствовании мотоциклетных моторов, то и эти задатки могут продвинуть дальше, чем битие лба о каменные плиты в храме». Павел Федорович считал, что каждое хорошо сделанное дело может считаться сделанным — по-рериховски.

Счастливи видеть, что на моих глазах, за полвека, ситуация с признанием/непризнанием художника и гуманиста-мыслителя Н. К. Рериха на его родине кардинально изменилась. Характерная деталь. В именных списках в конце книг по искусству и философии, которые я штудировал в 1970–80-е годы, обычно после «Репин, Илья» шел «Рескин, Джон». Изредка вклинивался «Рерберг, Иван». Сейчас в тех же книгах между ними мы обязательно встретим имя «Рерих, Николай». Сегодня его наследие представлено максимально открыто.

Но нельзя сказать, что существует ответ на вопрос: «Кто был Рерих?» Его нет — единственного. Заявления отдельных лиц или организаций с позиций обладателей истины в последней инстанции вызывают улыбку. Но отвечать на него важно и нужно. Хотя грань «между живым и неживым» трудно определить, но стремление добраться до сути неискоренимо. И сколько бы ответов мы ни получали, все они важны не для возвышения или оправдания, защиты Рериха (он не нуждается в этом), они нужны нам, если мы хотим движения жизни, а не торжества догмы.

Учиться делать жизнь на примере человека, который стремился создавать обстоятельства своего пути, а не быть жертвой обстоятельств, размышлять над вечными темами, которые волновали его и отразились в творческих достижениях — разве не достойнейшее занятие?

Некоторые литературные вехи размышлений и поисков представлены в этой книге...

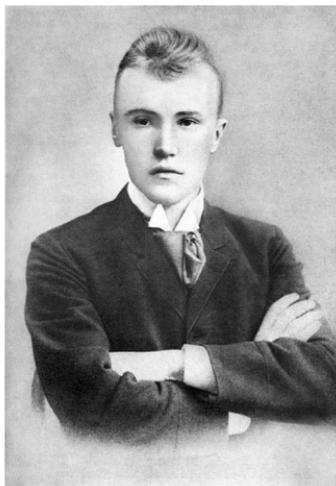
ВЕЛИКИЙ РОМАНТИК

Жизнь Николая Константиновича Рериха —
это поэма возвышенной мечты и упорного труда...¹

П. Ф. Беликов

Жизнь его напоминает красочную мозаику, подобранную смелым мастером по контрасту цветовых сочетаний. Родившись в 1874 году в Петербурге, оставив основательные следы своей деятельности в городах Европы, Америки, совершив уникальные путешествия по Центральной Азии, он закончил свой жизненный путь в Индии у подножия Гималаев в 1947 году. Многие страны приветствовали художника, но сам он писал: «Для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности... Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения».

Мировосприятие юноши сформировалось в условиях размеренного, упорядоченного образа жизни семейства петербургского нотариуса Константина Федоровича Рериха. Летние месяцы в имении «Извара», охотничьи впечатления, археологические занятия, богатое окружение талантливых людей — давали возможность разных вариантов раскрытия способностей. Путь художника открылся в результате душевного потрясения от прочтения романа Эмиля Золя «Творчество», печатавшегося в «Биржевых ведомостях» в первой половине 1886 года. «Из первых школьных лет встает волнующий художественный облик. Прочитан роман Золя...»² Роман-

Николай Рерих. 1890-е гг. МР ГМБ

тический образ главного героя — художника Клода Лантье, «борца и гиганта», рвущегося к идеалу слияния творчества и жизни, стал определяющим, стал «вратами в познание жизни искусства»³.

С ранних лет у Рериха возникла убежденность, что «искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей», «художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные»⁴.

Впоследствии это понимание отлилось в чеканные формулировки Credo: «Искусство объединит человечество... Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата “священного источника”. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание...»⁵

Еще в «Детской сказке» (1893) символически намечен дальнейший путь. Говорит певец царю: «В песне моей — всё для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня — всё в одной песне».

Здесь же предвидение встречи с Еленой Шапошниковой, той, которая разделит трудности восхождения. Уговаривают царевну князь древнего рода, именитый воевода, торговый гость. И, наконец, слово дают певцу: «Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верою этой дает счастье многим». «Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!..» — сказала царевна»⁶.

Звание художника ему было присвоено за картину из далекого прошлого Руси... Сумерки. Темно-зеленое зеркало реки. Притихший славянский поселок. Месяц из-за холмов освещает две фигуры в лодке. Один из них — гонец, несущий тревожную весть. Картина так и называется — «Гонец». Загадка поэтического обаяния и убедительной достоверности картины «Гонец» — лишь первоначальная из многочисленных примеров «оживотворения» (Рерих) прошлого. Картина с ученической выставки была приобретена Павлом Михайловичем Третьяковым для своей знаменитой галереи. Напутствие Льва Николаевича Толстого во время встречи 2 (14) января 1898 года — «Рудите выше» в области нравственных требований — задело самые тонкие душевные струны молодого Рериха и символически определило этические ориентиры⁷.

Его взгляд на окружающий мир с ранних лет можно определить строками Александра Блока: «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен!» В созвездии имен Серебряного века имя Рериха выделяется своим, особенным, светом. Рерих рано проявляет свою приверженность к романтизму. Причем эта приверженность не определенному художественному течению в искусстве, а основа мировосприятия, духовного деяния. Романтизм Рериха — внутренне присущее ему видение мира, включающее осмысление общего и единичного через символ, миф, через возвышенное преобразование действительности. «Романтизм как человечность несет утонченность сознания», — утверждал он на склоне лет⁸.

Это видение проявилось в путешествиях «по старине», в творческом осмыслении археологических изысканий, фольклора, в изучении исторических трудов и религиозных преданий. Взгляд художника прозревает сквозь наслоения времени. Рерих видит поэзию старины поверх бытовых подробностей: «Из древних, чудесных камней сложим ступени грядущего» — его девиз.

Его любимый литературный герой — Дон Кихот, рыцарь, поднимающий копье за идею благородства и долга высокого служения, странник «не от мира сего»⁹. Рерих — рыцарь Культуры, художник, зажигающий сердца окружающих своим творчеством, вызывающий к жизни высшие чувства и идеи, стремящийся воздействовать на свое окружение и сказать свое вдохновляющее слово «граду и миру».

«Быть художником, вести за собой публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать смех или слезы, — это ли не удовлетворение!» — пишет он своей любимой, Елене Шапошниковой¹⁰.

Своеобразие начала пути Рериха — в уникальном сочетании творческого полета на вершинах человеческого духа, интуитивных прозрений и обыденности административного служения. Несомненно, что душа его страдала под гнетом многочисленных обязанностей на постах, которые он занимал. Однако было и полное понимание необходимости выполнения тех задач, которые ставила перед ним реальность, и их полезности для общего дела. «Не уходите от жизни, ведите себя верхним путем», — записал он впоследствии¹¹.

Помогала удивительная гармония, которая пронизывала совместную жизнь Елены и Николая Рерихов. «Любовь взаимная решила все!.. Всю жизнь прошли они рука об руку, полную взаимного понимания и любви...» — писала современница¹². Он посвящал свою Ладу

в творческие искания, она вдохновляла его, заботилась о создании благоприятных условий для творчества.

Его тонкая, ранимая натура художника порой разрывалась между внешней, отбирающей громадные силы, стороной жизни и внутренней духовной работой. Рядом была «другиня, спутница, вдохновительница». «Приходилось его успокаивать, пока он ей все рассказывал, не скрывая перед ней своих огорчений и волнений. Приходилось ей зажигать его дух, направлять мысли, создавать новый путь, и он шел за нею, понимая ее дух и чуткость», — записала впоследствии верная ученица Рерихов¹³.

В условиях каждодневной неутомимой работы к Рериху приходит общественное признание. 1906 год — назначен директором школы Императорского общества поощрения художеств (с правом ежегодного доклада императору), 1909 год — избран академиком живописи, 1910-й — председатель общества «Мир искусства», 1916-й — становится статским советником.

Но главное призвание — великий труженик. Нескончаемой чередой идут свидетельства вдохновенных творческих исканий художника — картины, статьи, театральные постановки, храмовые росписи, стихи...

Результаты этой громадной духовной работы неожиданно пришлось подводить среди озер и скал Карелии на фоне общественных потрясений. Февральская революция, большевистский переворот октября семнадцатого года последовательно сокрушили все внешние признаки благополучия. В Финляндии, наедине с природой, Рерих ощущает, как неумолимо обращаются в прах, спадают парадные публичные одежды и он оказывается в прежнем рабочем одеянии художника...

Если Февральская революция еще давала надежды на благополучное переустройство сложившегося положения и продолжения культурного строительства, то октябрьский переворот освободил от всяких иллюзий. Попытки взаимодействия с новыми руководителями культуры не встречают понимания, проект Свободной академии (которая должна была прийти на смену школе Общества поощрения художеств) отставлен до лучших времен, его опыт и знания не востребованы. Спираль жизненного пути совершила полный круг и вернулась к тому, с чего началась. Его не покинули надежные товарищи — кисть и краски.

Но он уже не юноша, начинающий творческий путь, он — зрелый мастер жизни. Рерих полон грандиозных замыслов. Для нового восхождения, для нового продолжения спирали жизни накоплен драгоценный духовный опыт художественного творчества, опыт практического применения знаний и таланта. Ему есть что сказать миру, его переполняют идеи, которые надо осуществить.

Он «свободен и волен и помышлением тверд». Романтизм Рериха удивительно сочетается с практическим освоением окружающего мира. Культ творчества, примат воображения над рассудочностью, миф, символ, стремление к синтезу и обнаружению взаимосвязи всего со всем — самые разные способы и методы включаются Рерихом в орбиту своих творческих исканий. Квинтэссенцию этих исканий отразил Леонид Андреев в своей статье «Держава Рериха».

«Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он был в своем мире и не покидает его... Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует...» — пишет Леонид Андреев¹⁴.

В канун своего сорокапятилетия Рерих уже не статский советник, не председатель «Мира искусства», не директор школы Общества поощрения художеств, нет у него собственного дома, нет банковских накоплений...

Но что ему эти тленные признаки земного признания?! У него есть своя Держава!

В этой Державе сосредоточены богатства и накопления всех эпох, всех духовных движений прошлого и настоящего, а главное — создатель и повелитель Державы находится в полном расцвете сил и таланта, знаками чего выступают «вестники красоты» — картины мастера. Наедине с природой, в обстановке маленьких интересов провинциального Сердобоя он создает новые свидетельства своего единения с благословенным миром Красоты и Вечности, в котором живут Герои и Победители.

И он готовится вступить на новые пути. «Доспехи духа» укрепились волнующим знакомством с вершинами духовных достижений подвижников Востока — «Бхагавадгитой», книгами Рамакришны, Вивекананды, Тагора. Рерих записывает: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа, и тишину рождающую. Во время

крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием...»¹⁵

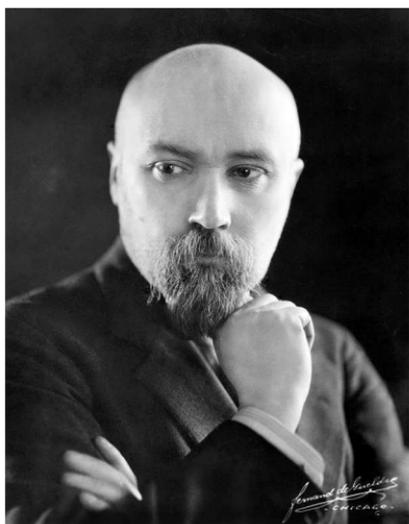
Этот «Зов» был услышан. Творческое освоение отразилось в картинах, в повести «Пламя», в газетных статьях. Духовный опыт проникновения в тайны высшего познания отражает цикл стихов «Священные знаки», «Благословенному», «Мальчику»...

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю...¹⁶

Отправляясь в путь, туда, где «светлеет Восток», Рерих не порывает с родиной, он уверен, что вернется, повитый чудесными дарами новых духовных находжений и творческих впечатлений. В своем триумфальном шествии по землям Скандинавии, Англии, Америки он оставляет вехи свершений планетарного масштаба. Его Держава покоряет сердца людей самых разных национальностей, профессий и социального положения. После посещения выставки новых картин Рериха известный деятель культуры Михаил Фокин пишет в датской газете: «Рерих не желает быть сухим реалистом, он всегда поэт, фантазер, романтик. Вот почему

его творения так созвучны с поэзией Метерлинка, с драмами Ибсена, с музыкой Вагнера и Дебюсси...»¹⁷

Путь Рериха — путь славы. Его фигура вдохновенного служителя Красоте привлекает к нему учеников, легенды окружают его личность и действия. Он устремляется на Восток, совершает

Н. К. Рерих. Чикаго. 1921 г. Музей
Николая Рериха (Нью-Йорк)

беспримерную экспедицию в малодоступные области Азии, впервые проходит из Монголии через Тибет в Индию. Многие его современники мечтали «в Индию духа купить билет» (Николай Гумилев), Рерих достиг большего — открыл ее сокровища другим.

«Мое главное устремление, как художника, — пишет он в начале книги «Сердце Азии», — было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления — так щедры эти дары Азии»¹⁸.

В Нью-Йорке расцветает деятельность Музея Рериха. Возникает научно-художественный центр «Усвати» в Индии, в долине Кулу, у подножия самых высоких гор планеты. Рерих делится драгоценными дарами с миром. Их интерпретация в картинах и книгах — магниты духовности, до сих пор волнующие и непревзойденные шедевры. Держава Рериха обретает планетарный масштаб, мифологически соединяется с Шамбалой, страной грядущего человечества. В разных государствах Запада возникают общества имени Рериха. Они призваны продолжить ту работу, которую он начал в России, — «объединение искусств и объединение людей через красоту, ибо он верил — как и многие другие, приходящие к этому, — что красота есть универсальный и истинный растворитель, посредством которого можно растворить расовую и национальную вражду» (Клод Брэгдон, 1929 г.)¹⁹.

В этой работе рядом с ним Лада, его жена, сыновья — Юрий и Святослав. Мир знакомится с учением Живой Этики, синтезом знаний Востока и Запада. Совместными усилиями поддерживается связь с многочисленными очагами культуры, носящими имя Рериха.

Писатель Барнет Д. Конлан замечает: «Рериха можно сравнить с гигантским деревом, пустившим корни глубоко в одном месте, а свои великолепные ветви раскинувшим широко кругом — по всему миру... Русскость Рериха не случайна и соединена с его непрерывным маршем по всему миру»²⁰.

Рерих — идеалист кристальной чистоты, верящий, подобно Платону, что идеи правят миром.

Гоголь писал, что «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он может быть явится через двести лет...». Такой человек явился раньше. Переживания Пушкина — «Духовной жаждою томим», «Чувства добрые я лирой пробуждал», «Веленью Божию, о муза, будь послушна» — этические максимы Рериха. Ему было пять

лет, когда Достоевский в своей речи на открытие памятника Пушкину говорил об одной из особенностей русского гения: «способность всемирности, всечеловечности, всеотклика...»²¹ Именно в Рерихе эта черта проявилась с предельной яркостью и широтой.

Не случайно создатель «Синей птицы» Морис Метерлинк считал Рериха знаковым явлением, символическим Вождем России²².

Рерих никогда не рассматривал себя эмигрантом. Он не уезжал в эмиграцию²³. Если границы государств изменились, то не изменились его планы. Ему первоначально очень не понравились большевики у власти. Оказавшись за рубежами России, освобожденный революционными бурями от прежних обязательств, он использовал это обстоятельство для исполнения своей давней мечты. Когда-то великий русский искусствовед и критик Владимир Васильевич Стасов открыл перед молодым студентом Николаем Рерихом истоки восточного влияния в русском фольклоре, показал, как близки древний санскрит и русский язык. «Заманчив великий Индийский путь», — писал Рерих еще в 1913 году после посещения выставки восточного искусства В. В. Голубева²⁴. Он — русский художник, путешествующий по миру, по тем заповедным местам, где всегда мечтал побывать. Он оставил Россию на время, в уверенности, что «познавание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам...»²⁵.

Миссию художника он видит не в том, чтобы бороться за или против советской власти. Писательница Надежда Лохвицкая (Тэффи) иронически классифицирует эмигрантов тех лет: «Лерюссы (русские) определенно разделяются на две категории: на продающих Россию и спасающих ее»²⁶. Рерих вне этой классификации. Он видит свой долг русского интеллигента, патриота в том, чтобы поведать за границей о подлинных чарах России, и в том, чтобы «познавание чужих стран» пополняло сокровищницу Родины. Все его помыслы устремлены на процветание России.

Если Иван Бунин клокотал ненавистью к «Совдепии», благодарил Нобелевский комитет: «Впервые за время существования Нобелевской премии ее присудили — изгнаннику...»²⁷, то для Николая Рериха такое самосознание — изгнанника — совершенно невероятно. Невозможно представить, чтобы при официальном открытии многоэтажного «Дома Учителя» в 1929 году в Нью-Йорке, в котором разместились его картины и учреждения культуры, Рерих благодарил бы собравшихся американцев как эмигрант-изгнанник. Его

полем деятельности был весь мир, но домом всегда оставалась Россия, она была в душе и за плечами...

Получившая широкое распространение версия о том, что «создание независимого государства, названного условно “Новая Страна”, — таков Великий, или Мировой, План Рерихов, задуманный для того, чтобы перекроить карту Восточной Сибири и Дальнего Востока», не находит подтверждения в письмах и статьях Н. К. Рериха. Ни о каких переделах границ, ни о каком «монголо-сибирском государстве», «Соединенных штатах Азии» речи не идет. Уже в 1921 году он пишет своему сотруднику В. А. Шибаеву о планах на будущее, основанных на возвращении в Россию, открывает намеченную дату, ставит задачи.

Четко и ясно заявлено о предстоящей деятельности «в пределах России». Начало предполагалось положить основанием города Знания — Звенигород — на просторах Алтая. Но прежде Рерих хотел совершить путешествие в Индию и Тибет.

Все эти приготовления входили в стратегический план — приближение «Новой Страны», в которой торжествуют высшие идеалы человеческого бытия. Деятельность Рериха была нацелена на постепенную эволюцию человечества на основе учения Живой Этики.

Один из биографов художника, рассказывая о Рерихе, напоминает о том, что сказал про русский ум Вячеслав Иванов:

Он здраво судит о земле,
В мистической купаясь мгле...

Взором художника Рерих смотрит выше общественных перегородок, и там, где перегородки кончаются, в сфере высших идеалов он видит синтез революционной романтики русского коммунизма и мудрости восточных учителей, верит в единство, уходящее корнями в древние великие учения. Поэтому он приезжает в 1926 году в Москву с «Письмом Махатм», встречается с влиятельными представителями советской власти. Для эмигранта такие переговоры были бы невозможны. Когда знакомые спрашивали — вернулся ли он, Рерих отвечал: «Я и не уезжал. Я путешествую...»²⁸

Одновременно «в беседах с Наркомпросом и Наркоминделом и другими деятелями обсуждались художественные и научные работы экспедиции. Выражались пожелания о дальнейших работах уже на Родине...»²⁹. «В 1926 году было уговорено, что через десять лет

и художественные и научные работы будут закончены. С 1936 года начались письма, запросы...»³⁰

Его сокровенные мечты осуществились. Он совершил то, что хотел с ранней юности. «Хотелось приобщиться к Индии, и вот уже шестнадцать лет, как мы связаны с нею. Хотелось познать Тибет, и мы прошли его насквозь. Хотелось пожить в юрте — и в юрте пожили... Мечталось об охране народных культурных сокровищ, и Знамя-Охранитель прошло по миру. Мечталось об искусстве как о светлом посланце, и вот именно искусство шествует по миру и каждый раз, при каждом выступлении поминается, как благодатны воздействия искусства...»³¹

Рерих раскрыл свое сердце всем народам в стремлении к всемирности и всечеловечности. Даже некоторым ближайшим ученикам в Америке оказался не под силу заданный масштаб. Духовный порыв увял в паутине меркантильных расчетов. Прагматизм затушил романтизм. На весах времени чаша потребительства перевесила чашу духовных накоплений. Они не удержались на высоте великой идеи земного пути Рериха — соответствие провозглашаемых идеалов повседневным нормам собственной жизни, единству высокого слова и реального дела...

Рериха можно назвать романтическим реалистом. Романтическая (высокая, героическая) цель оправдывает (и определяет) реальные

Ю. Н., Н. К. и С. Н.
Рерихи.
Индия. 1930-е гг. МР
ГМБ